

РИМСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ КАК ЭТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

Н.А. Артюшко

УО «Мозырский государственный педагогический университет
им. И.П. Шамякина»

Идея о том, что моральные ценности общества связаны с его социально-политическими механизмами и что изменение в этих общественно-политических механизмах коррелирует с изменениями в ценностях, давно известна социологам и политическим теоретикам. Тем не менее, это положение, относительно древнего мира, получило лишь отрывочное внимание в академической науке. Существует несколько относительно кратких обсуждений этого вопроса, в основном это отдельные журнальные статьи или главы в работах большего масштаба, в которых тема изменения этических представлений затрагивается вскользь. Однако исследование взаимосвязи между структурами того или иного общества и его этикой, может многое предложить для изучения социальных отношений древнего мира. Понимание социально-бытовых условий может ответить, почему определённые ценности и этические проблемы приобретают особое значение в определённый период, в то время как понимание изменений в ценностях может в свою очередь показать, как те или иные социальные изменения были восприняты людьми, жившими в ту эпоху.

Таким образом, актуальность исследования состоит в важности решения не до конца изученного вопроса о корпоративных связях, моральных и нравственных установок, поведенческих стереотипах римской аристократии – нобилитета. В этой связи следует отметить и то, что в современной отечественной историографии этой проблеме уделяется недостаточно внимания. В основном работы, так или иначе затрагивающие данную проблематику, ограничиваются кратким перечислением того, что в римском обществе считалось признаками аристократического статуса, изменения же этических представлений под влиянием изменения социальной обстановки и потерей римской знатью главенствующего положения в структуре управления римским государством остаются как бы вне поля зрения исследователей.

Вопрос об аристократическом статусе в античном обществе тесно связан с понятием меритократии [1, 55–60]. С другой стороны, данная проблема неотделима от проблемы престижа, который на языке римлян обозначался словом *honor*, чаще переводимого с помощью понятия «честь». Именно эта римская «честь», по мнению Дж. Лендона, играла роль интегрирующей силы, обеспечивавшей на каждом уровне иерархии, начиная с императора, функционирование всей системы социальных связей в Древнем Риме эпохи Принципата [2, 24]. Между тем, римский нобилитет, или, как определяет его М.И. Ростовцев, «сливки образованного общества» империи, играл роль объединяющей социальной силы, обеспечивавшей

результативное государственное управление [3, 109]. Карьерный рост любого из представителей этой среды предполагал не только легальное использование связей внутри сообщества нобилей, но и следование определенным корпоративным традициям, частью которых, впрочем, было также актуализирование этих связей (непотизм) [4, 22]. Таким образом, представляется важным рассмотреть те особенности римских аристократических ценностей, которые, обеспечивая связи внутри сообщества нобилей, составляли мотивационную основу римского аристократического этоса. Под этосом мы здесь понимаем общие для римской знати образ мысли и стиль поведения, объединявшие все группы нобилитета, в принципе являвшегося неоднородным даже на высшем, сенаторском, уровне [5, 50].

Некоторые из элементов, представляющие собой зримые признаки аристократической системы ценностей, известны достаточно хорошо – благородное происхождение, богатство (приобретенное законным путем, желательно в форме земельных владений), высокий правовой статус (сенаторский или всаднический), большой дом, толпа сопровождающих рабов и клиентов на улице, богатое одеяние [6, 238], [7, 82–83]. Однако не только наличие благородных предков, но и внешний блеск, богатство имели для знати прежде всего моральное значение: «Ведь богачи не столько любят самое богатство, как то, что за их богатство их называют счастливыми» (Lucian *Nigrinus* XXIII. – Пер. С.В. Мешковой-Толстой). Из приведенного видно, что у аристократического сообщества были правила, которые предполагали наличие, например, крупного состояния. Но добытого не любым путем. Вообще об отношении римской знати к различным видам экономической деятельности в науке говорилось давно, причем обращалось внимание на стойко негативное отношение к тому, что можно было бы назвать платой за конкретные результаты труда или услуги [8, 53–59].

«Однако, – как пишет Дж. Лендон, – были и более деликатные качества, указывающие на принадлежность к аристократии – особое воспитание и образование, соответствующие манеры: правильные произношение, речь, осанка, манера держаться – короче говоря, эlegantность» [2, 36–37]. Все это, подобно блеску богатства, должно было быть явственно для всех, однако все вышеперечисленные качества были ценными только потому, что мнение аристократической среды придавало этим качествам особое значение. Следует уточнить и то, кем, по мнению римлян, были эти аристократы. Для практиковавших в литературном творчестве представителей нобилитета аристократия – это просто «мы», т. е. группа людей, характеризующаяся общими для нее ценностями. Следовательно, аристократия – это «этическое сообщество» [2, 37]. Принадлежность к нему определяется наличием *honor* как суммы признаков, признаваемых значимыми аристократическим сообществом, однако само по себе никакое качество, вероятно, не являлось составной частью или признаком *honor*, и даже избыток таких качеств был бесполезен, если они оставались неизвестными другим аристократам и не

были ими одобрены (Plin. *Ep.* VII. 25. 1). Очевидно, чтобы считаться аристократом, необходимо было восприниматься в качестве такового прочими членами сообщества. Было очень важно для поддержания чьего-либо авторитета не отклоняться от следования тому неписанному кодексу, который регулировал аристократическое поведение. В противном случае, даже в весьма богатом человеке могли видеть лишь парвеню. Примером здесь является вольноотпущенник Трималхион, о хрестоматийности неблагородного образа которого писал Дж. Д'Армс [9, 97–120].

Но при всём вышесказанном следует отметить, что наличие каких-либо качеств, например владение ораторским искусством или занятие литературой и науками, не предполагало обязательную демонстрацию этих качеств перед широкой публикой. Напротив, аристократ не должен был публично себя демонстрировать – ни актерствуя в театре, ни танцуя на площади (см. напр. Cic. *De off.* I. XL. 145, III. XIX. 75; Apuleus *Apologia* LXXXII). Аристократ должен был избегать казаться грубым и вульгарным. От него требовалось обладать определенным вкусом. В свою очередь, вкус и мера в его демонстрации – это один из наиболее щепетильных аспектов образа жизни любого сообщества. Иначе говоря, римский аристократ должен был идти по жизни, постоянно сверяя свое поведение с мнением других представителей знати, улавливая малейшие нюансы соответствующего отношения (см. напр. Cic. *De off.* I. XLI. 146).

Особое значение для поддержания статуса аристократа несомненно имела популярность среди народа. Эта популярность во многом обеспечивалась богатством аристократа, так об этом пишет Тацит: «И чем больше кто-либо выделялся богатством, великолепием дома и пышностью его внутреннего убранства, тем больший почет окружал его имя и тем более имел он клиентов» (Tac. *Ann.* III. 55. – Пер. А.С. Бобовича). Несомненно заслуги нобилия перед обществом и государством, а также занятие им важных государственных должностей имели большое значение. Цицерон, например, писал: «Людей с честными намерениями по отношению к государству и с большими заслугами перед ним как в прошлом, так и в настоящем, облеченных той или иной магистратурой или империем, ... мы должны их уважать и почитать» (Cic. *De off.* I. XLI. 149. – Пер. В.О. Горенштейна). Впрочем, в аристократическом сообществе ценилось и неформальное влияние. Это могло быть участие аристократа в благотворительных акциях, покровительство учёным и писателям (Tac. *Ann.* III. 30), успешная адвокатская деятельность (Cic. *De off.* II. XIX. 65; Tac. *Ann.* III. 75).

Как мы можем видеть, «моральное сообщество» аристократов придавало значение очень многим качествам. Однако совершенно особую роль в обеспечении высокого статуса в среде нобилитета играли полководческие успехи аристократа [10, 319–325]. И хотя большинство исследователей, как замечает М. Роллер, полагает, что уже в самом начале

Принципата императоры монополизировали военную славу, сам М. Роллер считает, что это было едва ли возможно, поскольку нобилитет сохранял важные позиции в командовании [11, 99–100].

Ювенал насчет искания нобилиями военной славы не без сарказма замечает: «Знаки военных побед – ...сверхчеловеческим счастьем считаются» (Juvenal X. 133–137. – Пер. Д. Недовича и Ф. Петровского). Ювеналу вторит Аммин Марцеллин, язвительно изображающий нравы кичливых нобилей: «Вернись же кто из них недавно со службы при особе императора или из похода, в его присутствии (никто не смеет открыть рот), он является как бы председателем. Все молча слушают, что он говорит» (Amm. Marc. XXVIII. 4. 20. – Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). И тем не менее, Тацит, который вообще определенно говорит о роли полководческого авторитета (см. напр. Tac. *Ann.* IV. 44; XIII. 45), сообщает нам, что сам император мог завидовать военной славе своего не самого выдающегося генерала (Tac. *Agric.* XXXIX). Наконец, Цицерон прямо заявляет о представителях римской знати: «Ведь многие часто стремились вести войны, будучи охвачены жаждой славы, и это в большинстве случаев бывает у людей великих духом и одаренных» (Cic. *De off.* I. XXII. 74. – Пер. В.О. Горенштейна).

Таким образом, римская аристократия эпохи Принципата, чьи представители не всегда имели безусловно знатное происхождение, тем не менее своим образом жизни, стилем поведения, характером маркирования социального статуса, в том числе – путем демонстрации интеллектуальной активности, представляла собой корпорацию, доминирующую не только политически и экономически, но и культурно. Это доминирующее положение во многом и объясняется такой высокой степенью сплочённости и солидарности, которая была присуща римскому нобилитету. Однако такая высокая степень сплочённости во многом обеспечивалась благодаря ограничению избыточной индивидуальности каждого из членов данного сообщества, а основным ограничителем и одновременно объединяющим компонентом выступали, вероятно, этические представления.

Список использованной литературы

1. Дементьева, В.В. Современное антиковедение: концепция «римской меритократии» / В.В. Дементьева // Вестн. ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Сер. История. – 2007. – № 1. – С. 55–60.
2. Lendon, J.R. *Empire of Honor: The Art of Government in the Roman World* / J.R. Lendon. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 320 p.
3. Ростовцев, М.И. Общество и хозяйство в Римской империи / М.И. Ростовцев: пер. с нем.: в 2 т. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 1. – 412 с.
4. Kotula, T. *Septymiusz Sewerus: Cezarz z Lepcis Magna* / T. Kotula. – Wrocław: Ossolineum, 1987. – 188 s.
5. Mennen, I. *Power and Status in the Roman Empire, A.D. 193–284* / I. Mennen. – Leiden–Boston: Brill, 2011. – 305 p.
6. MacMullen, R. *Corruption and the Decline of Rome* / R. MacMullen. – New Haven: Yale University Press, 1988. – 281 p.

7. Wallace-Hadrill, A. Patronage in Roman Society: From Republic to Empire / A. Wallace-Hadrill // Patronage in Ancient Society. – London–New York: Routledge, 1989. – P. 63–87.

8. Finley, M.I. The Ancient Economy / M.I. Finley. – Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, 1999. – 262 p.

9. D’Arms, J.H. Commerce and Social Standing in Ancient Rome / J.H. D’Arms. – Cambridge: Harvard University Press, 1981. – 201 p.

10. Campbell, J.B. The Emperor and the Roman Army: 31 B.C. – A.D. 235 / J.B. Campbell. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 468 p.

11. Roller, M.B. Constructing Autocracy: Aristocrats and Emperors in Julio-Claudian Rome / M.B. Roller. – Princeton: Princeton University Press, 2001. – 319 p.

МГПУ ИМ. И.П. ШАМЯКИНА